

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 32, Is. 4, pp. 154–158, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-32-4-154-158
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 821.511.152

G. Pinyasov's 'Tyak Syaze Panchfkyazen' ('Don't Pluck My Flower'): Depicting the Writer's Reflexive Position

Aleksandra M. Katorova ¹, Yulia V. Makarova ²

¹Ph. D. in Pedagogy (Doct. of Pedagogical Sc.), Professor, Leading Research Associate, Department of Literature and Folklore, Humanities Research Institute Affiliated to the Government of the Republic of Mordovia (Saransk, Russian Federation). E-mail: amkatorova@mail.ru

²Postgraduate Student, Department of Literature and Folklore, Humanities Research Institute Affiliated to the Government of the Republic of Mordovia (Saransk, Russian Federation). E-mail: guniign@list.ru

Abstract. The article considers literary devices applied by the famous Mordvinian writer G. Pinyasov for the depiction of the characters' self-examination in *Don't Pluck My Flower*. The analyzed literary composition is distinct for the little-used (in Mordovian literature) narrative form, the narrator's image in the story (Boris Kurnyaev) acting as a conventional transmitter of the author's speech. This gives room to the writer's imagination which makes it possible for the author to disassociate from his 'I', and, thus, focus on tackling the artistic and creative tasks. So, though the story has a simple plot and is abundant in inner monologues, its originality still provokes great interest amongst readers.

The paper notes that most significant means to convey a personal reflexive position are non-traditional reminiscences (in the form of the characters' phrases from earlier compositions) and retrospection, the efficient artistic means being comparisons and metaphors. Due to the successfully chosen form of a tale (narrated by the author–taleteller), non-standard reminiscences, retrospection device, vivid comparisons and metaphors, the author not only expresses the individuals' reflexive state but also identifies a number of ethical and moral problems. Those notably deal with the understanding of the meaning of life and creative work, including relations between men and women. The writer proves to be a proficient psychologist and a superb narrator.

Keywords: writer's personality, author-narrator, taleteller, self-analysis, reflexive position, reminiscence, retrospection.

Произведения известного мордовского писателя Григория Ильича Пинясова существенно отличаются от других ярко выраженным психологизмом, умением глубоко анализировать и передавать тончайшие переживания героев на фоне решения актуальных проблем современности, тем они и интересны читателям и литературоведам.

Отдельные аспекты творческого наследия писателя изучались региональными литературоведами М. Г. Имярековым [1987: 119–128] (дана общая характеристика творчества), М. И. Малькиной и Т. И. Кубанцевым [1991: 134–158] (рассмотрены особенности повестей), Н. Н. Левиной [2014: 22–26] (проанализирована повесть «Жаркое

лето») и др.; попытка исследования постановки этических проблем в рассказах предпринималась Ю. В. Аркаевой [2016: 12–14]. Вместе с тем, специфика художественной трансляции автором психологического состояния героев до настоящего времени не раскрывалась.

Таким образом, основной задачей нашей статьи является выявление на примере анализа рассказа «Не сорви мой цветочек» [Пинясов 1998: 6–39] способов изображения Г. Пинясовым внутреннего мира главного героя, определение приемов обрисовки процесса самоанализа, передачи раздумий над собственными переживаниями.

Отличительной особенностью анализируемого произведения является малоупотребительная в мордовской литературе сказовая форма, наличие в рассказе образа повествователя (Бориса Курняева) — условного носителя авторской речи. Это дает большую свободу писательскому воображению, позволяет автору дистанцироваться от собственного «я» и тем самым полнее сосредоточиться на решении художественных задач. И хотя рассказ отличается незамысловатостью сюжета и обилием внутренних монологов, тем не менее вызывает значительный интерес своей неординарностью. Необычность повествования проявляется уже в первом предложении: *Кда шами ваймось, ломанць арай коське эши лаца», — ня валхнень фкя героезе азозень кунара, а синь смузьснон шарьхкодине лама-лама кизонь ётазь, мрярда пидемазь монцень»* «Если опустошается душа, человек становится похожим на высохший колодец», — эти слова один из моих героев произнес давно, но их смысл я понял через много-много лет, когда обжегся сам» (Перевод здесь и далее подстрочный, авторов. — А. К., Ю. А.; текст рассказа цитируется далее по указанному изданию с обозначением страниц) [Пинясов 1998: 6].

Вслед за этим повествователь сообщает о своей творческой удаче — выходе в свет последнего романа, восторженно встреченного читателями: *Мон, писательсь Борис Курняев, арань сембе вастова кельгома ломанькс, васень инжикс»* «Я, писатель Борис Курняев, стал повсюду желанным человеком, важным гостем» [Пинясов 1998: 6]. Однако далее следует своего рода перипетия — неожиданный поворот в осмыслении ситуации: *Аф эстокиге шарьхкодине: эсон пиксикхть лазф пайгокс, ваймостон амо-*

ляйхть, бта коське кизоня эшиста вель — кие кенери сядя инголе. Кармасть олама сельминголень тюсне «Не сразу понял: мной бьют как треснувшим колоколом, из души черпают, словно воду из колодца в жаркое лето — кто раньше успеет. Начали блекнуть перед глазами краски» [Пинясов 1998: 6]. Таким образом, уже в первом абзаце рассказа наблюдается рефлексия главного героя, передаваемая писателем при помощи метафор и сравнений. Эмоциональный эффект усиливается за счет внутреннего монолога рассказчика об осмыслении им возникших в семье проблем, прежде всего о недовольстве жены, что заставило его еще глубже задуматься над сложившейся ситуацией. Здесь целесообразно отметить еще одну художественную особенность — частоту использования писателем необычных реминисценций, представляемых как высказывания литературных героев из ранее написанных повествователем произведений и оформленных преимущественно в виде точных цитат. В начале рассказа реминисценции в основном способствуют подтверждению справедливости изрекаемых умозаключений. Они встречаются практически на каждой странице, иногда по два-три раза. Например, *Авань кяльсь, — азозе фкя героезе, — учань пула лаца. Учань пулось яфчай нльне эста, мзярда аф сускихть сяськне-пуропне* «Женский язык, — сказал один из моих героев, — словно овечий хвост. Овца хвостом размахивает даже тогда, когда не кусают комары-оводы»; *Славась, — лятфтайне лия героезень валонзон, — тя яд мархта медь* «Слава, — вспомнил высказывание другого моего героя, — это мёд с ядом» [Пинясов 1998: 6–7]; *Кда фкя ломанть явфтсазь перяфксса народть эзда, ся юмай-арай, шары ваймофтома кевкс, — шоворсь арьсеманенди героезе* «Если человека отгородят от народа забором, он пропадет-исчезнет, превратится в бездушный камень, — вмешался в ход моих размышлений герой» [Пинясов 1998: 26]. Первой реминисценцией повествователь пытается убедить себя и читателей в несправедливости претензий со стороны жены, которая заревновала его по причине частого отсутствия дома, второй — уверяет, что у славы, как и у медали, две стороны; третья помогает выразить эстетическое кредо писателя — соблюдение принципа народности. Вместе с тем при явно выраженных функциональных различиях все приведенные примеры способствуют ото-

бражению рефлексивной личностной позиции автора-повествователя.

По ходу чтения произведения постепенно убеждаешься в наличии в нем внутреннего, психологического конфликта, раскрываемого в том числе при помощи реминисценций, которые способствуют трансляции двойственного состояния личности. Например: *Простямак, тядй, мес ламос ашень сашенда. Кизе пяк кувакаль, лама вастс лоткафнемазь...* 'Прости, мама, почему давно не приходил. Путь был очень долгим, во многих местах останавливали...' — «*Тонь аф кельгомась — сиземась тяза пачфтензе*», — *кармась азондомост салавань мяльненъ героезе* '«Тебя не любовь — усталость сюда привела», — начал высказывать мои сокровенные мысли герой' [Пинясов 1998: 9].

Действий в рассказе немного, они связаны с поездкой автора-повествователя на встречу с читателями в свой родной район, где его ожидал сюрприз, а именно свидание с первой любовью. При изображении действия количество реминисценций в тексте уменьшается, на первый план выходит прием ретроспекции. Именно он способствует раскрытию условий формирования характера главного героя, его внутреннего мира, творческого пути. В этой же части рассказа читатель убеждается в умении автора-повествователя видеть проблемы, разбираться в многообразии судеб и человеческих взаимоотношений. Здесь же наиболее ярко проявляется свойственная рассказчику самоирония, которая передается преимущественно при помощи сравнений. Вот лишь один из примеров: *Прязень маряйне обезьянакс, конанди фкя апельсинонкса эрявьс налхксемс-комотнемс клеткасонза народть инголе* 'Чувствовал себя обезьяной, которой перед народом за один апельсин надо было играть-подпрыгивать в клетке' [Пинясов 1998: 14].

Выше мы подчеркнули позицию писателя, для которого очень важным в творческом процессе является соблюдение принципа народности. Однако в последующем на основе размышлений автора-повествователя можно прийти к выводу и о других важных эстетических требованиях, в частности о реалистическом изображении действительности и присутствии внутреннего сопереживания изображаемым героям. Особенно четко это просматривается в сцене беседы рассказчика с другом юности Федей Пандеевым, шофером Райпотребсо-

юза, который один прочитал новый роман: *Тон народть лангс баяркс, сери вастста ванат, — стаки корхтась Федя. — Роман-цот няфнят и вадявста лаксеф ломаньят, и симилат, и салахть-колайхть, и нинге кодапт повесть. Корхтат, азондат квалмаст, а тонценъ седисот керы сярятъф аш* 'Ты на народ барином, с высоты смотришь, — продолжал Федя. — В романах показываешь и нормальных людей, и пьяниц, и воров-жуликов, и всяких других. Повествуешь, рассказываешь о них, но в сердце твоём острой боли нет' [Пинясов 1998: 28]. Как видим, писатель заставляет задуматься над психологической составляющей творческого процесса.

Уже с первых страниц становится понятно, что главной в рассказе является тема личной и творческой судьбы писателя. И если в начале произведения на первом плане находятся размышления автора-повествователя о судьбе творческой, которая сложилась вполне удачно, то в главных эпизодах рефлексия связана с осмыслением судьбы личной. Воспоминания о ярких переживаниях первой любви нахлынули на рассказчика тотчас же, как только он приехал в родной поселок. Ожившие в его памяти песня в исполнении красавицы Люси, студентки медицинского училища, первый танец с ней и первые сказанные слова, первое свидание, после которого до утра не смог сомкнуть глаз, не только отличаются эмоциональной экспрессивностью, но и сопровождаются стремлением осмыслить их с высоты прожитых лет и накопленного жизненного опыта. Свойственный автору самоанализ становится особо отчетливым в эпизодах, в которых рисуется встреча с первой любовью. На протяжении всех предыдущих лет он не переставал думать о том, почему Люся, которая была в него влюблена, не вышла за него замуж и уехала из родного поселка в поисках счастья. Из диалогов героев становится ясно, что Люсина мечта сбылась, она стала женой генерала, пользуется всеми жизненными благами, однако счастливой себя не чувствует. И не только потому, что это был брак по расчету. По мнению писателя, выраженному во внутренних монологах героев и реминисценциях, причин несколько. Здесь и неверно поставленные жизненные цели и задачи (героиня часто воображала, как она в красивом наряде пойдет по поселку под руку с генералом, все вокруг будут завидовать и восхищаться ею), и си-

туация, когда муж службу и карьеру любил больше, чем жену, и скудость внутреннего мира Люси. Последнее, на наш взгляд, — самое важное. Приведем часть диалога, произошедшего между автором-повествователем и Люсей во время их последнего свидания:

— *Палф кельгомазе... Кие сонь мрдафтсы?.. Мес тяфта улэнди? Мзярда одолень, кельгонь, пси толса палонь... Мес ина эста кельгомазень пси жагаласа сялгозь?.. Мес тячи вакссон ацат? Ули генерал мурдце, сембоце, сембоце...*

— *А тонь ули славаце. Шкаень сереса... Тейне арам, эрь авась тячи анок мадомс ваксозот, пидеф ваймот кулхондомс эрь валцень, анок эцемс килькиш аньцек сянкса, мекс варжакстоть лангозонза... Борюня-ёруня, кие арсесь — тяфтамкс арат... Кие арьсесь... Шкабаваз, суюкоян, мес няфтензе тонь... Суюкоян Теенза, суюкоян тейть... Боря, эрька ктмордате...*

— *Монь или славазень?* [Пинясов 1998: 35]

— *Сгоревшая любовь... Кто ее вернет?.. Почему так бывает? Когда был молодым, любил, в страстном огне пылал... Почему тогда мою любовь выжгли каленым железом?.. Почему сегодня стоишь около меня? У тебя есть муж генерал, есть все-все...*

— *А у тебя есть слава. Высотой с Бога... Мне кажется, любая женщина сегодня готова лечь с тобой, со всей душой выслушать каждое слово, готова полезть в петлю лишь за то, что посмотрел на нее... Боренька-хитренький, кто думал — станешь таким... Кто думал... Господи, кланяюсь за то, что показал мне тебя... Кланяюсь Ему, кланяюсь тебе... Боря, дай обниму...*

— *Меня или славу?*

Приведенный отрывок весьма показателен с точки зрения раскрытия характеров персонажей и понимания главной идеи рассказа. Встретив через много лет свою первую любовь, Люся не переполнилась романтическими воспоминаниями юности, а начала думать о том, что потеряла, отказавшись от любви. Она не пытается оценить нравственные качества своего бывшего возлюбленного, вместо этого сосредоточивает внимание на его успехах и славе. На наш взгляд, этим произведением автор предостерегает читателя от однозначной устремленности к внешним атрибутам счастья (богатству, праздности, славе), поскольку без духовного самосовершенствования они ничего не значат: достигая их, человек не становится счастливым. При таком подходе к жизни цветы, первоначально яркие и живописные, постепенно превращаются в пыль. К тому же испытанное разочарование

озлобляет человека с черствой и холодной душой, делает его мстительным. Это очень ярко показано в финальной сцене рассказа, где автор рисует выражение глаз героини: *Лангозон вансть аф сельмот — акша кельме кумбрат. Эсост аш кодамовок палы цятконя* ‘На меня смотрели не глаза — белые холодные змеиные головки. В них не было никакой искорки’ [Пинясов 1998: 39].

Следует отметить, что большое разочарование испытал и сам автор-повествователь, пронесший через многие годы образ придуманной и идеализированной возлюбленной, которая казалась ему воздушной, недостижимой, самой лучшей на всем белом свете. На самом деле она оказалась бездушной куклой: *Сонь мяльсонзовок ашель солафтомс монь эсь псисонза... Пандсь кяж ёньфтома одксинцты, панчфу надияманзонды, конат шарсть сяпи нярькхамазкс* ‘У неё и в мыслях не было согреть меня своим жаром... Это была расплата за бесшабашную молодость, за несбывшиеся радужные надежды, которые обернулись горькой полынью’ [Пинясов 1998: 39]. Воображаемый образ самого красивого цветка, не сорванного в молодую пору, в сознании повествователя поблек. По этой причине завершающие рассказ фразы наполнены грустью: *Ляйтть тона ширде вирняста шаитсь илядень шобдась. Сон, бта орожав, сувсесь сетьмоф ульцяв и эцесь видеста мяштезон, комачазе пужи панчфкязень* ‘С той стороны реки из лесочка надвигалась вечерняя тьма. Она, словно в руках, входила в притихшую улицу и пробиралась прямо в мою грудь, окутывала мой увядший цветок’ [Пинясов 1998: 39]. И хотя перед нами пейзажная зарисовка, она выполняет явно выраженную психологическую функцию, передает уныние и тоску по поводу несбывшихся надежд.

На основании изложенного мы приходим к выводу о том, что в рассказе благодаря удачно подобранной сказовой форме (наличию автора-повествователя), нестандартным реминисценциям, приему ретроспекции, а также ярким сравнениям и метафорам автору удалось передать не только рефлексивное состояние личности, но и обозначить ряд морально-нравственных проблем. Они связаны в первую очередь с осознанием смысла жизни и творчества, постижением взаимоотношений мужчины и женщины. Писатель показал себя знатоком человеческой психологии и мастером-рассказчиком.

Литература

- Аркаева Ю. В. Морально-нравственная проблематика рассказов Г. Пинясова // Вестник научных конференций. 2016. № 1–2(5). Ч. 2. С. 12–14.
- Имяреков М. Г. Кизотне и ломаттне // Писательсь и эряфсь. Саранск: изд-во Морд. унта, 1987. С. 119–128.
- Малькина М. И., Кубанцев Т. И. Повесть: обновление традиций // Современная мордовская литература (60–80-е годы): в 2 ч. Саранск: Мордовск. кн. изд-во, 1991. Ч. 1. С. 134–158.
- Левина Н. Н. Синтез мысли и образа в повести Г. Пинясова «Жаркое лето» // Финно-угорский мир. 2014. № 3. С. 22–26.
- Пинясов Г. И. Тяк сызе панчфкязень // Пинясов Г. И. Эштерь туцят: азкст, пееткст. Саранск: Мордовск. кн. изд-во, 1998. С. 6–39.
- References**
- Arkaeva Yu. V. *Moral'no-nravstvennaya problematika rasskazov G. Pinyasova* [Moral issues of G. Pinyasov's stories]. *Vestnik nauchnykh konferentsiy* (Proceedings of the Int. scientif. conf. – Science and Education in the 21st Century). Tambov, 2016, No. 1–2(5), part 2, pp. 12–14 (In Russ.).
- Imyarekov M. G. *Kizotne i lomattne. Pisatel's' i eryafs'*. Saransk, Mord. State Univ. Press, 1987, pp. 119–128 (In Mord.).
- Mal'kina M. I., Kubantsev T. I. *Povest': obnovlenie traditsiy* [The Novel: a renewal of the tradition]. *Sovremennaya mordovskaya literatura (60–80-e gody): v 2 ch.* (Modern Mordovian literature. In 2 vol.). Saransk, Mord. Book Publ., 1991, part 1, pp. 134–158 (In Russ.).
- Levina N. N. *Sintez mysli i obraza v povesti G. Pinyasova «Zharkoe leto»* [Synthesis of thought and image in G. Pinyasov's novel *Hot Summer*]. *Finno-ugorskiy mir* (The Finno-Ugric World), 2014, No. 3, pp. 22–26 (In Russ.).
- Pinyasov G. I. *Tyak syaze panchfkyazen'* [Don't Pluck My Flower]. Pinyasov G. I. *Eshter' tutsyat: azkst, peet'kst* [...]. Saransk, Mord. Book Publ., 1998, pp. 6–39 (In Mord.).

УДК 821.511.152

ИЗОБРАЖЕНИЕ РЕФЛЕКСИВНОЙ ПОЗИЦИИ ЛИЧНОСТИ ПИСАТЕЛЯ В РАССКАЗЕ Г. ПИНЯСОВА «ТЯК СЯЗЕ ПАНЧФКЯЗЕНЬ» («НЕ СОРВИ МОЙ ЦВЕТОЧЕК»)

Александра Михайловна Каторова¹, Юлия Владимировна Макарова²

¹ доктор педагогических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, отдел литературы и фольклора, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (Саранск, Российская Федерация). E-mail: amkatorova@mail.ru

² аспирант, отдел литературы и фольклора, Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (Саранск, Российская Федерация). E-mail: guniign@list.ru

Аннотация. В статье рассматриваются приемы обрисовки процесса самоанализа героев, использованные известным мордовским писателем Г. Пинясовым в рассказе «Не сорви мой цветочек». Отличительной особенностью анализируемого произведения является малоупотребительная в мордовской литературе сказовая форма, наличие в рассказе образа повествователя (Бориса Курняева) — условного носителя авторской речи. Это дает большую свободу писательскому воображению, позволяет автору дистанцироваться от собственного «я» и тем самым полнее сосредоточиться на решении художественных задач. И хотя рассказ отличается незамысловатостью сюжета и обилием внутренних монологов, тем не менее, вызывает значительный интерес своей неординарностью. Авторы отмечают, что наиболее значимыми способами передачи рефлексивной позиции личности являются нетрадиционные реминисценции (оформленные как высказывания собственных героев из ранее созданных произведений) и ретроспекция, а художественными средствами — сравнения и метафоры. В рассказе благодаря удачно подобранной сказовой форме (наличию автора-повествователя), нестандартным реминисценциям, приему ретроспекции, а также ярким сравнениям и метафорам автору удалось передать не только рефлексивное состояние личности, но и обозначить ряд морально-нравственных проблем. Они связаны в первую очередь с осознанием смысла жизни и творчества, постижением взаимоотношений мужчин и женщин. Писатель показал себя знатоком человеческой психологии и мастером-рассказчиком.

Ключевые слова: личность писателя, автор-повествователь, рассказчик, рефлексия, рефлексивная позиция, реминисценция, ретроспекция.